

УДК 821.111-94:355(73)

ББК 84(7Coe)-44+68

B27

Brett Velicovich, Christopher S Stewart
Drone Warrior: An Elite Soldier's Inside Account
of the Hunt for America's Most Dangerous Enemies
HarperCollins Publishers Inc., New York, 2017

Великович, Бретт.

B27 Дрон-убийца : мемуары оператора боевого беспилотника : [перевод с английского] / Бретт Великович, Кристофер Стюарт. — Москва : Родина, 2024. — 304 с.

ISBN 978-5-00222-154-7

«Обязательно к прочтению, если хотите понять новый способ ведения войны».

Генерал Майкл Хайден, бывший директор АНБ и ЦРУ США.

В течение почти десятилетия Бретт Великович был в центре американской военной технологии нового поколения и с помощью дронов уничтожал самых опасных террористов по всему миру. Великович — один из немногих, кто имел право выбирать цели и отдавать приказы о смерти.

Данные мемуары содержат уникальные и до недавнего времени закрытые сведения о наиболее сложных и секретных миссиях, в которых Великович в самых горячих зонах конфликтов охотился на свои цели, защищал жизни военных и гражданских. Он детально описывает поиск и ликвидацию 16 из 20 самых разыскиваемых мировых террористов. Автор также рассказывает душераздирающую историю спасения с помощью дронов пропавшей иракской женщины и группы школьниц, похищенных нигерийской «Боко Харам». Великович предлагает уникальный взгляд на удивительно сложный характер операций с беспилотниками, тактические и технические решения, лежащие в их основе. В книге также можно найти краткую историю эволюции вооруженных сил США за последнее десятилетие и технологий, лежащих в ее основе.

УДК 821.111-94:355(73)

ББК 84(7Coe)-44+68

ISBN 978-5-00222-154-7

© Великович Б., Стюарт К., 2023

© ООО «Издательство Родина», 2024

ОТ АВТОРА

Давайте сразу проясним расставим точки над «i»: я не герой. Я не заслуживаю оваций за то, что я делал. Просто мне нужно выговориться, а вам нужно знать.

Мне посчастливилось быть частью нового поколения военных, поколения, которое навсегда изменило способ ведения будущих войн. Каждый солдат играет свою роль. Я — эту.

Из очевидных соображений безопасности, описывая операции, я изменил имена большинства их участников, кроме публичных персон, государственных чиновников и хорошо известных операций, За исключением государственных должностных лиц и хорошо известных частных лиц и /или организаций, которые и так все отлично знают. Большинство моих бывших коллег продолжают свою работу, изо дня в день сражаясь с врагом.

Аналогично, я изменил и имена террористов — опять же за исключением общеизвестных. И разумеется, я изменил методологии, которые мы использовали для поиска различных террористов с помощью беспилотников, чтобы гарантировать, что никакие текущие тактики, приемы или процедуры не будут скомпрометированы.

Эту рукопись одобрил Отдел предварительной публикации и проверки безопасности Министерства обороны и разрешена к публичному выпуску, а также прочие цензурные структуры, о существовании которых большинство людей даже не подозревает. Этот изнурительный процесс рецензирования правительством США перед публикацией занял больше времени, чем у меня ушло на написание са-

мой книги. Некоторые детали моей работы и особо секретных миссий, в которых я участвовал, были удалены из текста по просьбе правительства США. Взгляды, выраженные в этой книге, принадлежат автору и не обязательно отражают официальные взгляды, политику, мнения или позиции правительства Соединенных Штатов, включая Министерство обороны США.

Несмотря на то, что книга прошла проверку и получила разрешение правительства на публикацию, это моя история. Произошедшие события правдивы. Конечно, восстановленные по памяти диалоги не дословны. Но суть сказанного точна.

Несколько человек спросили меня, почему я пишу эту книгу. Я пишу это, потому что хочу, чтобы мой опыт и знания помогли людям и предоставили столь необходимый взгляд на центральную особенность жизни, бизнеса и войны в двадцать первом веке. Я пишу эту книгу, чтобы люди поняли, что такое беспилотники на самом деле, и чтобы показать, как они спасают жизни и расширяют возможности человечества, вопреки негативному нарративу, укоренившемуся в публичном поле.

* * *

Когда я только начинал военную службу, дронов было очень мало. Иметь такой в наличии было роскошью. Во время охоты на Саддама Хусейна после вторжения в Ирак, командиры боролись даже за единичный БПЛА «Предатор».

Когда я увольнялся — почти десять лет спустя — одна лишь моя команда управляла ТРЕМЯ, получая изображение цели с разных ракурсов.

Вот почему я назвал их «наши немигающие глаза». Наши беспилотники видели все и никогда не спали.

Если посмотреть на то, как велись войны до моего поколения, поддержка с воздуха сводилась, по сути, к при-

крытию и бомбардировке. Пехотные подразделения отправлялись на длительные полевые задания вслепую, и оставалось только надеяться, что авиация нанесла ущерб противостоящей им части противника. Или они будут перемещаться по местности, где ведутся городские боевые действия, практически не имея представления о том — что находится за этим углом? А за этой дверью? А за этим окном?

Сейчас никто, особенно в сообществе сил спецназначения, не отправляется на задание без дронов над головой. Вот насколько они ценны. Готов биться об заклад, что любая миссия, которую вы видите за границей — рейд команды «морских котиков» в Йемене, спасение заложников в Сирии, похищение террориста из лагеря в Сомали — ни одна из них не обходилась без «немигающих глаз». На всех этапах — перед миссией, во время и после.

Удивительно, насколько быстрыми были эти изменения: уже сейчас многие в вооруженных силах — особенно те, кто начал свою карьеру в эпоху после 11 сентября — задаются вопросом, как мы вообще функционировали без беспилотников? Их важность невозможно переоценить.

Я часто думаю обо всех миссиях людей, которые были до меня, и о том, сколько жизней можно было бы спасти, если бы за ними присматривал вооруженный «Предатор» или «Рипер». Я думаю о целях, которые мы могли бы уничтожить, о людях, которых мы могли бы остановить до того, как они разрушат мир.

Но война с беспилотниками не всегда направлена на то, чтобы прижать «плохих парней». Это вообще не главное. В основном мы занимались вскрытием того, что опасные люди предпочли бы видеть скрытыми: сетей из отдельных лиц, семейных связей, денежных потоков, материалов и просто заговоров.

Моя команда и я жили в коробке в самых горячих зонах войны с террором. Никто за пределами нашего сообщества «черных операций» не знал, что мы делаем. Я сомневаюсь, что многие поверили бы в это, даже если бы знали. Мы были высокотехнологичными детективами, каких мир еще не видывал, и наша работа представляла собой глубокую эволюцию в военном деле.

Дроны, которые у нас были, позволяли нам спасать жизни. Они уменьшили сопутствующий урон. Они предоставили нашим солдатам информацию, позволив нам заглянуть в будущее от их имени, предсказывая, что произойдет, а не просто позволяя этому произойти.

В этом величайшая красота дронов. Способность действовать на опережение, а не реагировать, дать бой врагу до того, как он сможет нанести удар по нам. С беспилотниками мы стали быстрее террористов, думая на несколько шагов вперед. Наши команды по наведению на цель и рейдированию были созданы для того, чтобы мы никогда не давали тем, на кого охотились, ни минуты отдыха.

У обычных вооруженных сил есть границы. Все, что нужно сделать врагу, это просто перепрыгнуть за эту границу, ускользнув или исчезнув в пределах новой. Но у моей команды не было границ. Мы двигались так же, как двигался враг; мы были такими же мобильными, как и они. Мы стали тенями, которые преследовали их.

Война с использованием беспилотников будет продолжаться развиваться, поскольку такие группировки, как ИГИЛ*, начинают заполучать в свои руки коммерческие технологии беспилотников и прикреплять к ним грана-

* Здесь и далее в книге, организации, перечисленные ниже, согласно решениям Верховного суда РФ, признаны террористическими или экстремистскими и их деятельность запрещена в Российской Федерации: (Аль-Каида, Аль-Каида в Ираке, Исламское государство (ИГИ, ИГИЛ), Боко Харам).

ты и бомбы, чтобы наносить удары своими собственными беспилотниками. И нам придется использовать и развивать технологии для борьбы с ними.

Наши новые лидеры в Вашингтоне — это те же ребята, которые помогли построить эту революцию беспилотников. Генерал Майкл Флинн*, хотя и ушел в отставку из Совета национальной безопасности, был важной движущей силой той революции. И еще генерал Джеймс Мэттис**, конечно.

Я не сомневаюсь, что нынешняя администрация увеличит использование беспилотников и нанесет удары за рубежом, потому что это были лидеры, которые воочию убедились в преимуществах этого оружия. Такие организации, как Объединенное командование специальных операций, являются единственными группами, которые каждый день ведут борьбу с врагом, и им нужно больше дронов.

Когда президент Дональд Трамп баллотировался на должность, одним из его основных аргументов было то, что нам нужно быть более активными в отношении таких групп, как ИГИЛ и Аль-Каида, переходить в наступление и использовать имеющиеся в распоряжении Америки инструменты для их уничтожения. Это соответствует тому, для чего хороши беспилотные летательные аппараты (БПЛА), а именно для демонстрации силы и нанесения ударов по врагу, где бы он ни прятался.

Также стоит отметить, что лидеры, подобные Мэттису, своими глазами видели, что произошло, когда мы уменьшили давление на тех, за кем охотились: это дало нам ИГИЛ.

* Майкл Томас Флинн (р. 1958), генерал-лейтенант армии, директор РУМО (2012—2014), советник президента Трампа по нацбезопасности (2017) — *Прим. ред.*

** Джеймс Норман Мэттис (р. 1950), генерал корпуса морской пехоты, командующий Центральным командованием (2010—2013), министр обороны (2017—2019) — *Прим. ред.*

Администрация Трампа к настоящему времени, несомненно, понимает важность технологии. Я предполагаю, что сам президент Трамп был поражен этим, поскольку большая часть того, на что мы способны (и что сделали), полностью неофициальна и строго засекречена.

Большинство членов Конгресса и комитетов по разведке до сих пор понятия не имеют, как именно я и моя команда выполняли нашу работу. Иногда членов моей команды просили посетить официальных лиц и отчитаться перед ними об успешных операциях против террористических объектов, но те, кто сидел по другую сторону стола, никогда по-настоящему не понимали и не были допущены в повседневную работу нашей машины наведения.

Вот о чем эта книга. Совершенно новая форма ведения войны, возникшая в течение последнего десятилетия, моя роль в ней, боевое братство парней, которые рисковали своими жизнями, чтобы сделать это реальностью.

Часть 1

Глава 1. Нам его убить?

Я подсел на энергетик «Рип Ит». Сердцебиение зашкаливало, но глаза могли долго не отрываться от ярких мониторов, пока мы сидели на хвосте у белого грузовичка «Бонго», который поднимая пыль много миль ехал через пустыню от сирийской границы на юг.

— Наберите высоту и переключитесь на тепловизор, — приказал я. — Если он заметит нас в воздухе, дело провалено.

Шел сентябрь 2009 года. Был полдень и я торчал в «Коробке» — секретном бункере без окон на окраине никому не известной военной базы к югу от иракского Мосула, недалеко от сирийской границы, уставившись на стену, на которой в два ряда висело восемь плоских мониторов. Похоже на дерьмовейший магазин электроники, в котором вы когда-либо бывали.

На часть экранов транслировалась информация с БПЛА MQ-1 «Предатор»: вид с камер, текущая высота, скорость, прицельная система для лазерного целеуказания ракет и подробная карта местности внизу. Остальные показывали фотографии наших целей, их семей и их сложных террористических сетей, которые охватывали весь земной шар. Спасибо куче экспертов ЦРУ, РУМО, АНБ и ФБР, игравших за мою команду.

Я — «Дельта», спецназ. Моя профессия — высокоуровневые операции по захвату и уничтожению. Мое оружие — те самые «Предаторы», вооруженные двумя ракетами AGM-114P «Хеллфайр» с лазерным наведением. Моя ра-

бота — отслеживать самых опасных террористов в мире. Если я взял твой след, ты меня так никогда и не увидишь.

Из-за работы серверов в комнате стояла духота, освещалась она мигающими экранами. Низкий гул механизмов постоянным фоном засел в наших головах. Когда вы выходите из «Коробки», ничто не подскажет, что за дверью находится один из самых технологически продвинутых операционных центров в мире, которым управляют одни из лучших умов в военном бизнесе. Некоторые наши технологии, не будут известны публике еще годы.

Мою команду из шести человек — элитных сотрудников военной разведки разных специальностей — вызывали, когда нужно было обнаружить террориста. Я не сомневаюсь, что мы могли бы найти любого в мире, независимо от того, насколько скрытным он себя считает. Я гордился тем, что отслеживал даже самых высокопоставленных лидеров террористов, людей, которых другие считали призраками.

Нашу цель звали Абу Башир. Мы искали его неделями, пока не получили наводку с земли, что он направляется в нашем направлении, к югу от сирийско-иракской границы. Башир был экспертом по взрывчатым веществам в группировке «Аль-Каида в Ираке» (АКИ).

Он перевозил материалы и компоненты для тяжелых бомб в Ирак вместе с иностранными боевиками и террористами-смертниками, ведущими войну против Соединенных Штатов, как правило оставаясь незамеченным. Его вояж обязательно закончится плохо — очередным ударом либо по невинным гражданским, либо по военнослужащим США на близлежащей базе.

Флот вертолетов дежурил поблизости, на случай если они понадобятся для быстрого перехвата цели. Мы сидели в тесной комнате с цементным полом, работая за самодельным фанерным столом. Джейк, тактический диспетчер

ВВС, сидел рядом со мной как тень. Мы достали наши ноутбуки и запустили сложную программу чата, которая позволяла нам вести около двадцати различных секретных бесед со всеми работающими разведывательными агентствами одновременно, включая ЦРУ и АНБ, подразделения наших сухопутных войск, вашингтонских чиновников в США и техниками, обеспечивающими операции в Ираке и по всему миру.

Пока я оглашал инструкции — приблизить изображение, изменить высоту или направление преследования транспортных средств, — Джейк передавал их в чат оператору камеры и пилоту «Предатора», двум парням из ВВС, которые и управляли дронами по моей команде из трейлера в Неваде.

«Бонго», похожий на пикап, но с более широким кузовом, теперь быстро направлялся на юго-восток от сирийской границы. Они определенно что-то перевозили. Мы взяли его на крючок примерно час назад в безлюдном месте в пустыне, которое я смог сузить, основываясь на анализе его предыдущих перемещений.

— Джейк, почему кажется, что у каждого террориста в Ираке, которого мы отслеживаем, есть белый «Бонго?»

— Группон*.

На мониторах «Бонго» поднимал тучи пыли, оставляя четко видимый сверху след. Наша птица наблюдала с двух морских миль, двигаясь на высоте около 12 000 футов**, не теряя цель из виду, но в то же время достаточно далеко, чтобы оставаться незамеченной. Если бы объект услышал или увидел дрон, он бы отказался от своей миссии и залег на дно — выбросил бы телефоны, не входил бы в учетные записи электронной почты, обрубил бы все концы. Месяцы нашей разведывательной работы псу под хвост.

* Сайт со скидками. — *Прим. ред.*

** Расстояние — 3,7 км, высота такая же. — *Прим. ред.*

Дорога была не очень похожа на дорогу, просто несколько зигзагообразных следов, врезавшихся в плотно утрамбованный песок на протяжении сотен миль. В основном это была ничейная земля, с несколькими точками деревьев тут и там, максимум по десять-двадцать человек на деревню.

Парни, пересекающие сирийскую границу, обычно следовали заранее определенно¹ контрабандной тропой, перевозя взрывчатку или террористов-смертников между деревнями по пути к их конечному пункту назначения.

Иногда первой остановкой был ближайший крупный город, где транспортное средство использовалось для подрыва ближайшего военного конвоя США.

Я был на ногах уже двадцать часов. Я изо всех сил пытался сфокусировать мутнеющее зрение. Горка пустых банок из-под энергетика росла.

Что он делает? И где он это сделает?

Через двадцать минут грузовичок остановился за пределами деревни.

— Увеличь изображение, — сказал я. — Я должен видеть, кто внутри.

Убить или захватить — вопрос, который всегда стоял на повестке дня, но нам нужно визуальное подтверждение Абу Башира, прежде чем мы сделаем звонок. В большинстве случаев этот звонок делают в самую последнюю минуту. Эти решения о жизни и смерти изменили бы жизни людей в мгновение ока, даже мою собственную.

Вышли два человека.

— Вижу двух взрослых мужчин, одетых в белые дишдаши, — сказал Джейк.

— Подтвердите для меня: никаких женщин или детей, — сказал я.

Джейк вернулся назад и просмотрел запись с беспилотника, похожую на повтор записи спортивного матча, показывающую полные виды обеих сторон грузовика.

— Подтверждаю.

— Зум в два раза. Чего они ждут?

— Времени намаза, может быть?

— Нет, до него не меньше часа.

Внезапно двое разделились. Пассажир пошел в пустыню, покидая поле зрения камеры, а водитель обошел «Бонго» сзади.

— Оставайся с водителем, — приказал я.

— Роджер*.

Водитель начал копаться в кузове, и теперь я мог видеть, что сзади стояли бочки с торчащими из них шлангами размером с сад.

— Вы где-нибудь видите пассажира? — спросил я. — Уменьшите масштаб.

Я попросил их переключить камеру с электронно-оптической, или дневной, телевизионной, которая показывает все в коричневых и серых тонах, на инфракрасную. Теперь оба были на мониторах. Их тела внезапно стали яркими, призрачно-черными на фоне белой осенней пустыни. Когда пассажир закурил сигарету, огромный огонек взорвался, как загоревшийся дом.

Почему он не хотел курить возле грузовика?

Через несколько минут подъехал еще один белый «Бонго», из него вышли трое мужчин. Я обратил внимание на то, как они приветствовали остальных. Все они поцеловали руки и обняли водителя первого грузовика: Башира.

Мужчины начали осторожно перегружать толстые кувшины высотой около трех или четырех футов в первый грузовик. Точно такие же, как те, что уже сзади.

Теперь, нормальный аналитик мог бы обесценить это, потому что мы никогда не смогли бы подтвердить на 100 процентов, что это были за толстые кувшины с воздуха.

* Принятый в армиях стран НАТО условный ответ, означающий «принято» — *Прим. ред.*

Возможно, первый грузовик просто заправлялся, или, возможно, он перевозил деревенский источник воды. За годы, которые я провел, охотясь и наблюдая в выгребных ямах Ближнего Востока, я обнаружил, что люди совершают забавные поступки. Эти парни могли быть просто местными жителями, вообще не связанными с сетью Аль-Каиды.

Что отличало нашу команду, так это знание того, что в этом бизнесе ничто не является совпадением. Это была взрывчатка, и, зная Башира, можно было ожидать, что он хочет устроить тот еще фейерверк.

* * *

Тогда мне было всего 25 и я уже был носителем высшей Власти — власть решать, жить человеку или умереть. Это было нелегкое решение, даже учитывая сотни миссий в моем послужном списке и первоклассные разведывательные сети в моем распоряжении.

В то время я был частью горстки людей в американских вооруженных силах, на которых лежала ответственность за выбор целей для беспилотников и отдачу приказов об их уничтожении. Я составил список убитых — люди из сети «Аль-Каиды в Ираке» или ИГИЛ, которых мы определили в качестве приоритетных для поимки или устранения, — и действовал по нему день и ночь. Нам приходилось двигаться быстрее, чем это делал наш враг, и мы продолжали оказывать давление, нанося удары снова и снова, чтобы они никогда не чувствовали себя в своей тарелке.

Немногие знали, что наша элитная оперативная группа вообще существовала. «Дельта» была подразделением армии*, но работала бок о бок с другими специальными элитными силами, такими как DEVGRU**, высокоспециализиро-

* Т.е. сухопутных войск — *Прим. ред.*

** DEVGRU — U.S. Naval Special Warfare Development Group, группа развития специальных боевых средств ВМС США, антитеррористическое подразделение — *Прим. ред.*

ванная команда в составе команды «Морских котиков». Для остального мира и даже для большинства членов нашего собственного правительства мы были официально за штатом, и нам это нравилось.

Мы уничтожили худших из худших. Но у нас была более широкая миссия в Ираке: уничтожить «Аль-Каиду в Ираке» и Исламское государство Ирака. Мы стали одной из самых смертоносных групп по наведению беспилотников в вооруженных силах. В террористической сети мое внимание было сосредоточено на устранении критических узлов — высокопоставленных членов, которые играли ключевые командные и вспомогательные роли, позволявшие организации функционировать. Устранение одного участника вело нас к другому, как к одной большой головоломке, когда мы методично соединяли точки и пробивались к вершине.

В то время «Аль-Каида в Ираке» трансформировалась в Исламское государство Ирака, или ИГИ, которое позже стало известным нам сегодня ИГИЛ, после того, как группа перенесла свои операции в Сирию из-за усиления давления США*. В то время мы использовали названия АКИ и ИГИ как взаимозаменяемые. Мало кто тогда знал эту группу, но мы пристально наблюдали за ними в течение многих лет. Они были самой большой угрозой иракскому правительству и стабильности в регионе — и Соединенным Штатам, как мы вскоре выясним.

* * *

— Немедленно вызовите Макса, — сказал я.

Макс — это командир штурмового отряда, который давал финальный аккорд в работе нашей группы специальных операций. Когда дела шли плохо, или когда мы хотели

* ИГИ была переименована в ИГИЛ в 2013 г. — *Прим. ред.*

захватить нашу цель, Макс и его команда направлялись к вертолетам, стоящим за нашей дверью.

Не прошло и минуты, как он влетел в комнату, уже облаченный в бронжилет. Высокий и подтянутый, он был именно таким, каким вы представляете себе этих легендарных бойцов.

— Нужно по-быстрому закрыть этих парней, — сказал я ему, указывая на «Бонго» на большом экране.

На мониторах грузовик Абу Башира со всей взрывчаткой теперь мчался на юго-восток по пустыне, в то время как другая машина уехала в противоположном направлении.

Время было не на нашей стороне. Башир быстро двинулся в направлении большого города Тикрит. Там находилась база Кэмп Спайчер, с тысячами американских солдат и еще большим количеством иракских гражданских лиц.

— Макс, я предполагаю, что он либо перевозит большое количество взрывчатки, которая будет использована для нападения, либо он собирается въехать на грузовике как камикадзе.

У нас было около двадцати минут, прежде чем Башир доберется до Тикрита со взрывчаткой. В этот момент он был бы слишком близко, чтобы мы могли что-либо предпринять, если бы он решил немедленно подорваться.

— Добро, — сказал он, — мы идем.

Он вызвал остальную часть своей команды.

Наш парк вертолетов прогревался, их лопасти рассекали горячий воздух. В соответствии со стандартной процедурой работы нашего подразделения, там были два МН-6 «Литтл Берд» — вместе с несколькими «Блэк Хоками», все полностью вооруженные пулеметами и ракетами. Это были не просто какие-то обычные военные самолеты. Они были разработаны специально для наших миссий по убийству / захвату.

Миссии основаны на вариантах — ударить ли по Баширу ракетой или попытаться схватить его на земле.

Когда беспилотник был заряжен, наши экраны превратились в одно красное перекрестие. Ракеты Hellfire мощные и чрезвычайно точные. Мы могли бы уничтожить машину в пробке, не поцарапав краску ни с одной из других машин.

Я проинформировал Макса о текущем статусе цели и передал ему пакет разведданных с распечатанными фотографиями цели и карточками допроса с вопросами, которые можно задать любому, кого захватят живым.

Несколько минут спустя Макс и его команда, одетые в камуфляж пустынного цвета, вооруженные до зубов пистолет-пулеметами ХК 416 и подогнанными по руке пистолетами, улетали на задание.

Когда все закрутилось, я начал беспокоиться, что Башир уйдет. Я также беспокоился о штурмовой группе. Что, если они попытаются пересечься, и камикадзе взорвется, как только они соприкоснутся? Что, если я ошибался?

Теперь пути назад не было. Я прокручивал различные сценарии в своей голове. Я что-то пропустил?

Башир был ответственен за убийство сотен мирных жителей. Он ввозил в Ирак иностранных боевиков, которые взрывали себя в торговых центрах, убивая детей, семьи и американских солдат. Я держал это в глубине своего сознания. Я знал, что с ним должно было случиться, просто вопрос в том, как.

Нам его убить?

Этот вопрос всегда возникал в последние секунды. Иногда не было выбора.

Я отправил досье Абу Башира своему начальнику, который находился в межведомственном командном центре вдали от зоны поражения, чтобы ознакомиться с ситуацией.

Его мнение вернулось через несколько секунд. Он хотел отложить удар «Хеллфайрами» и посмотреть, как пойдет дело на земле. Мы могли бы использовать этого парня живым — если бы он решил остаться в живых.

— Ваша штурмовая группа находится на пути к цели и имеет возможность захвата, — написал он в чате.

— Роджер, — ответил я.

Беспилотник должен был следить, играя роль прикрытия, если что-то пойдет не так. Давайте, ребята, доберитесь туда.

В наушниках я услышал команду штурмовиков по радио. «ВДЦ* пять минут».

Мои глаза были прикованы к экранам, выискивая что-нибудь неуместное, камера дрона с включенным дневным объективом наблюдала за движением «Бонго» по пустыне и ждала, когда в поле зрения внезапно появятся вертолеты.

Я задавался вопросом, каково это, должно быть, разговаривать с парнем рядом с тобой в твоей машине, едущим по дороге, болтать о том, что ты собираешься делать в эти выходные, а затем, в следующую секунду — тебя нет.

Камера нашей пташки показывала, что «Бонго» примерно в минуте езды от города. И я не мог сказать, доберется ли наша команда туда вовремя.

— Тридцать секунд до того, как машина достигнет населенного пункта.

Тут-то и ударили очереди. Пули выбивали фонтаны песка прямо перед капотом «Бонго». Секунду спустя два вертолета «Блэк Хок» со штурмовой группой прошли прямо над грузовиком. Водитель резко ударил по тормозам и машина остановилась. «Ястребы» зависли над целью и началась жесь. Мы задаем курс дрона, облетая сцену по кругу.

— Вижу их, — сказал радиооператор, подтверждая присутствие американского отряда в поле зрения камеры беспилотника.

* Время до цели — *Прим. ред.*

Штурмовая группа выпрыгнула из вертолетов, зависших над землей, в защитных очках и с оружием, направленным на цель. Опасаясь, что грузовик мог взорваться в любой момент, парни двигались медленно, держа оружие наготове.

Когда двое вышли из «Бонго», штурмовая группа держала их на прицеле, готовая расстрелять, стоит одному из них сделать неверное движение. Мужчины стояли в шоке, лопасти вертолетов поднимали тучи песка.

Мое сердце бешено колотилось в груди. Это больно.

Доли секунды в таких ситуациях не похожи на доли секунды обычной жизни. Это похоже на автомобильную аварию, когда время замедляется прямо перед столкновением.

Я сделал все, чтобы убедиться, что одним из мужчин в том грузовике был Абу Башир, моя цель. Но всегда есть проверка интуиции, и реальность была не такой однозначной: в моем мире вы никогда не можете быть уверены на 100 процентов.

Сомнения всегда возникают в самом конце каждой операции. Что, если это был не он? Что, если в кузове его грузовика была не взрывчатка? Что, если бы мы убили невинного? Что, если бы наш отряд тоже был уничтожен?

Наконец двое отошли от «Бонго» и встали на колени, заведя руки за головы. А затем, несколько секунд спустя, по радио раздался голос командира штурмовой группы.

— Ромео-01, — сказал Макс. — Джекпот подтвержден.

Глава 2. Где ты был, когда мир остановился?

11 сентября 2001 года я дремал в своей комнате в общежитии колледжа. В воздухе пахло смесью старого молока и нестиранных носков, а пластиковый вентилятор издавал раздражающие щелкающие звуки, покачиваясь на столе

рядом с моей головой. Я прищурился, пытаюсь справиться с раскалывающейся головной болью, мои воспоминания о вечеринке братства прошлой ночью все еще были нечеткими. Цифровой красный индикатор на часах: 7:54 утра.

Какого черта я встал так рано? На полу в беспорядке валялись банки из-под пива и журналы «Максим». В тот вторник я прогуливал и подумывал прогулять всю неделю, просто чтобы убедиться, что полностью восстановился. В квартире стояла мертвая тишина, двое моих соседей по комнате были в отключке. В моей голове все еще звучал грохот рэпа. После вечеринки мы пригласили нескольких парней на ночную сессию: выпивали, отрывались в Halo на приставках и говорили о горячих девушках, с которыми мы познакомились прошлой ночью.

Я был типичным первокурсником в Университете Хьюстона, пытался разобраться в себе, но в основном тусовался, пил, вступал в братства и зубрил. Я вырос в маленьком городке под названием Кэти, штат Техас, и мечтал торговать акциями на Уолл-стрит, работать в крупной финансовой фирме вроде «Голдман Сакс» или стать юристом, как делали многие мои приятели. Жизнь всех моих друзей была в значительной степени распланирована от начала до конца, как будто они работали по чертежу. Я был таким же, пока все не изменилось. В то утро.

Сначала я ничего из этого не понял. Я был слишком молод и недалек. Я даже не знал, что символизирует Всемирный торговый центр. Я ничего не знал о мусульманах, Ближнем Востоке или о том, почему исламские радикалы, о которых я никогда не слышал, так сильно ненавидели нас.

До 11 сентября я думал, что моя жизнь шла в основном по прямой.

После 11 сентября — а точнее после падения второй башни — мама сказала, что я обезумел. Я сказал ей, чтобы она не волновалась. В конце концов, я был далеко от Нью-Йорка.

Но только через несколько дней после нападения я начал переваривать произошедшее. Это событие, казалось, разбудило меня, встряхнуло. Мир, в котором я жил, внезапно показался оскорбительно поверхностным, путь, по которому я шел, слишком безопасным. Моя жизнь — это общага, вечеринки, выпивка, девчонки, травка. Снова и снова один и тот же сценарий проигрывался каждую ночь, и теперь это была заезженная пластинка, которая не имела бы никакого значения, даже если бы ее проигрывали.

Я кое-что упустил. Это лучший способ, которым я могу это выразить. Многие люди пришли к такому же выводу в те месяцы.

Так в смешанных чувствах я стал проводить время в библиотеку кампуса, маленькой каморке на верхнем этаже, вдали от всех, где я корпел над горой книг о терроризме, исламе, Аль-Каиде. Истории об этих группировках, которые формировались по всему миру с намерением убивать американцев.

Истории о терроризме засосали меня, не давали мне покоя: одна о теракте в октябре 2000 года на эсминце «Коул» в гавани Йемена, в результате которого погибли семнадцать американских моряков; другая о взрывах заминированных грузовиков у посольств США в Танзании и Кении в августе 1998 года, в результате которых погибло более двухсот невинных людей. Я стал прогуливать тусовки со своими друзьями и выпивку в братстве. Я придумал предлог, чтобы не веселиться, немного смущенный, вместо этого вернувшись в кабинку, пропахшую пылью и старыми книгами. Это был не я. Что-то ныло внутри, как таинственное похлопывание по плечу. Закончив одну книгу, я вернулся за другой.

Так проходили недели. Вскоре я читал обо всех разведывательных службах, что они делали, какие из них отвечали за поиск террористов. Я читал о первом ударе беспилотника, нанесенном ЦРУ в Афганистане в том же ноябре.